

Григорий Стариковский

МАГИСТР

МАГИСТР

Русский, вы ведь русский, говорят они. Нет, дети, для вас я — учитель, учитель латыни. Магистр¹. *Здравствуйте, магистр. До свиданья, магистр.* Повторите за мной: «Сальве, магистер!» А клятва? Что клятва? Каждое утро — клятва. *Клянусь в верности флагу Соединенных Штатов... Все прикладывает ладонь к сердцу, а вы не прикладываете. Как иностранец. Как русский.* Я давно никому ни в чем не клянусь. Наприкладывался в пионерском детстве.

Кристина стоит лицом к флагу. Повторяет слова клятвы. *Свобода и справедливость для всех.* Хорошие слова. Еще мне нравится *единый народ под Богом.* Потому что Бог упомянут. А то все — Дарвин, эволюция, обезьяны. У меня тут каждый третий — неандерталец.

Кристина влюблена. В Малкина, русского хоккеиста. Он играет за «Питтсбургских Пингинов». Кристина носит тишотки «Пингинов». С фамилией Малкина на спине. Записалась на латынь. Говорит: *ты похож на Малкина. Твой акцент похож на его акцент.* Посмотрел фотографию Малкина в интернете. Красавец мужик. Я тоже ничего себе, но — старею, седею, лысею. Мало у нас общего с Малкиным, мало. Разве что акцент. *Какой он лапочка*, говорит Кристина.

С девушками сложно. Они вызревают рано. По весне смотришь на них, все равно как в пропасть. Раздаю контрольные, отвожу взгляд. Не томите меня... Прикройте грудь платком. Наденьте кофточку. Слишком много плоти вокруг. Меня волнует чужое тело. Голова кружится. *Christina Malkinum amat. Malkin Christinam non amat*². Хороша латынь! *Она была девушка. Она была влюблена.*

¹Magister (лат.) — учитель.

²Кристина любит Малкина. Малкин не любит Кристину (лат.).

Учитель, будь бдителен, напоминают на педсовете. К девочкам, мальчикам не прикасаться. Держи дистанцию, учитель. В соседнем городе завуч по воспитанию изнасиловал подростка. Сбежал. Поймали, судили. Дали срок. Большой срок. Одни спрашивают: *зачем он это сделал? Получал уйму денег. Опять же, карьера. Все пошло прахом из-за какого-то смазливого придурка. Любовь зла*, отвечают другие.

На уроке: *Магистр, научите нас русскому. Что вам стоит? Ну, пожалуйте*.

Как по-русски «спасибо»? Отвечаю на латыни. «Гратиас». А «пожалуйте»? «Амабо те». *Надоел ваш мертвый язык. Это Цезарь — мертвый?! Это Вергилий — мертвый?! Кто же тогда живой? Читать рацеи бесполезно. В гробу они видали мою латынь.*

Вспомнилось. Защитил диссертацию, приехал в школу. Учительница немецкого вошла в классную и попросила всех встать. *Ваш учитель теперь — доктор философии.* Прозвучало высокопарно, фальшиво как-то. Одна девочка, по фамилии Бабич, поднимает руку и спрашивает: *А зубы вы тоже лечите?* По обстоятельствам, отвечаю.

Дети растут трудно, рывками. Свои, чужие. Бабич... А еще был Рома Щастный из Тернополя. Зашел разговор о войне. Дед мой, говорю, хлеб в Ленинград возил по замерзшей Ладоге. А твои деды-прадеды воевали? *Воевали, а как же.* На каких, спрашиваю, фронтах? *В УПА*, отвечает. Вопросов нет. Прямо как в анекдоте про Вовочку. *Зер гут, Вальдемар, зер гут.*

На каком языке вы думаете? Ни на каком. В школе мыслей нет. Проходили как-то библейское *inspiravit in faciem eius spiraculum vitae*¹. Когда готовился к уроку, запало это словечко, «спиракулюм». Ходил и повторял, обсасывая, «спиракулюм, спиракулюм, спиракулюм». А потом был урок. Джеф подбежал к Кевину и обнял его сзади. Кевин похабно ухмыльнулся. Джеф облизывал свои пухлые губы длинным языком. Похотливо терся о бедра Кевина. Вот вам и «спиракулюм». *А сны вам на каком языке снятся? Снов я не вижу. Вот только иногда снится электричка. Переезд Фили — Кунцевская. Ну, хоть водку вы пьете?* Нет, не пью. *Врете вы. Все русские пьют. Столичная. Смирновская. Сведка.* Нет, это не наша, Сведка — шведское пойло. *Ага, сами разбираетесь, а го-*

ворите, что не пьете. Разбираюсь, но не пью. *Какой же вы тогда русский?* Повторяю: для вас я — не русский, я — магистр, блядь, преподаватель бессмертных языков...

Знаете, дети, что такое смерть? Некоторые кивают. А что такое бессмертие, знаете? Вопросительно смотрят. Бессмертие — это латынь. *Gallia est omnis divisa in partes tres*¹. *Нет*, говорят, *от вашего Цезаря запашок, как из склепа...* Дети, дети, главное в жизни — научиться сдувать пыль. С кем это я говорю? Сам с собой? Они ведь не понимают. Растут трудно, рывками.

Преподаю Вергилия. *Скажите, магистр, почему героев Вергилия все время тянет в пещеры?* Вопрос с подвохом. Видите ли, дети, в римской поэзии пещера — место поэтического вдохновения... *Ну да, Эней как раз вдохновился... Дидоной.* Смеются. Ну и пусть смеются. *Какова сексуальная ориентация Вергилия?* Опять с подвохом. Лучше сказать правду. Вергилию нравились мальчики. *Так он пидорас?* Ну да, педераст. *А, ну тогда все понятно. Что — понятно? Ничего, ничего, продолжайте.* Продолжаю. Поднятая рука. *Магистр, а почему мы с вами одних пидорасов читаем? Вергилия, Катутла, Цицерона.* Во-первых, отвечаю, все они — мыслители, творцы, а во-вторых, из этих троих один Вергилий гей. *Ну, это как посмотреть. А вот это тогда что? «Найдется ли юнец, перед которым бы ты, чтобы заманить его в сети и совратить, не нес кинжала на пути к преступлению?»* Постойте, это Цицерон выступает против Катилины. *Какая, говорят, разница. Все они пидоры.* Голос повышать бесполезно. Пожимаю плечами, продолжаю урок.

Семнадцатилетний пацан Чарли (или Билли, или Энди, или Мэтт, не важно) не может не выкрикнуть в спину какую-нибудь гадость. Что делать с базовым инстинктом? Инстинктом стаи, инстинктом агрессии? Тинэйджер должен вывести из себя эту агрессию, как пот или мочу. Кричи не кричи. С тем же успехом можно грозить расправой карте Италии, потому что она — в форме сапожка, а не в форме яблока. Или январскому яркому солнцу, потому что оно не греет. *У вас в России холодно?* Россия — большая. Где-то холоднее, где-то теплее...

Теперь про Карлсона. Дети просят, просят: *Покажи нам какой-нибудь русский фильм.* Дай, думаю, найду на ютубе мультик из детства «Малыш и Карлсон». Нашел. Кричат: *Он же педофил. У него*

¹ Бытие 2.7: ...вдунул в лице его дыхание жизни (лат.).

¹ Цезарь. Записки о галльской войне I.1.

из жопы пропеллер торчит. Летает к маленьким мальчикам. Ворует варенье и пирожные (это они про пышки). У вас в России что, все такие, как Карлсон? Гребнутая у вас страна, магистр... Выключаю проектор. Продолжаю урок. Падеж, склонение, спряжение. Женский, мужской, средний род. Аблативус, плюсквамперфект. Джон, не прикасайся к Монике. Эшли, перестань показывать Джону средний палец. Рэйчел, почему ты все время пишешь на доске «Karlson wants you»? Это не смешно. Откройте учебники на № странице. Читаем: *О, времена! О, нравы! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужчины...*¹ Звонок. Опять не успели закончить... Ничего, ничего, нагоним в следующий раз. До свидания, дети! *Будь здоров, магистр. Karlson wants you!*

АДАМ

Застывший, будто вытекший взгляд, готовый к слепоте. Взгляд, обметанный безумием. Старческая сутулость. Верблюжья голова. Айпод. Серые проводки, мышинные наушнички. Растворялся в музыке, жил где-то там. Хныкальщик... *Что вы от меня хотите? Что я такого сделал?* Размахивал руками, как будто все время от кого-то отбивался. Маленький поприщин, школьный сумасшедший. Повсюду таскал футляр с кларнетом. Зачем ему кларнет?

Адам, ты позавтракал? Адам, можно потише? Адам, ты сделал задание по математике? Жалко родителей, учителей, но не Адама. Он — как первочеловек, сотворенный из глины. В ноздри вложили дыхание жизни. Проснулся. Назвал рыбу рыбой, змею змеей, покемона покемоном. Кота — Томом, мышонка назвал Джерри. Адам обитал в сладком раю безумия. Запретных плодов не пробовал. Дни проводил впроголодь. Свертки с бутербродами выкидывал в мусорный бак. Зачем ему бутерброды, если он жил в раю, вместе с Томом и Джерри, рядом с покемонами?

Родители привозили Адама за полтора часа до начала занятий. До первого звонка он сидел в коридоре. Играл в геймбой, отлавли-

вал покемонов в сетке экрана. Упуская очередного зверька, скулил. Обитатель парадиза, иногда он казался человеком с другой планеты, прилетевшим погостить в наши края. Повседневная суэта раздражала его. *Что проку человеку во всех трудах его, которыми трудится он под солнцем? Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать.* О чем думал Адам, когда я пробежал мимо по коридору? Догадываюсь, что мысли его были библиейски просты: *Вот идет человек. Куда он идет?*

Его болезнь — скорее метаморфоза, чем патология. Вот так же (или почти так же) люди у Овидия превращаются в деревья. Адам, превращенный в дерево из своего парадиза. Требовалось усилие воли, чтобы поверить, что там, за морщинистой корой, за этой совокупностью немоты, скрывалась жизнь. Глядя на Адама, я чувствовал, что сам теряю рассудок. Убегал в учительскую, включал «Битлов». Помогало. *Here comes the sun...*

Входя в библиотеку, он вращал головой. Направлялся к компьютеру. Садился на стул, бросал рюкзак на пол, вводил имя, пароль. Принимался за дело: играл в компьютерные игры, смотрел мультфильмы на ютубе. Пожирал глазами одну за другой серии «Тома и Джерри». Когда мышонок вырывался из кошачьих лап, Адам радостно вскрикивал. Напевал свою безумную песенку, учащая темп и размахивая руками. Иногда мне хотелось подойти к нему и обнять его. Братец мой безумец, я жалею тебя, но тебе не нужна моя жалость, тебе вообще ничего не нужно, кроме этого мышонка, улепетывающего от кота, и котяры, которому снится жаркое из мышатины.

Когда в библиотеке проходил урок и свободных компьютеров не было, Адам заливался слезами, скулил: *Я-то в чем виноват? Что я такого сделал?* Мы пытались растолковать ему, что вины его никакой не было, просто компьютеров не хватало, но он рыдал. Заламывал руки. Искал виновных. *Кто это сделал? Кто украл мой компьютер?* Тогда его усаживали за стол. Учитель английского открывал перед ним книгу. Адам артачился. Потом поддавался. Они читали Шекспира, «Ромео и Джульетту». Со стороны все это выглядело более чем странно. Учитель внятно, несколько нарастающе, проговаривал шекспировский белый стих. Адам повторял за ним, не задумываясь над смыслом произносимого. Под словесной оболочкой ничего не оставалось, кроме уханья гласных и царапающей

¹ Цицерон. Первая речь против Катилины 1.2.

слух шелухи согласных. Лишь один раз он встрепнулся, когда услышал про маленькую мышь: *This torture, and not mercy: heaven is here,/Where Juliet lives; and every cat and dog/And little mouse, every unworthy thing,/Live here in heaven and may look on her. Lumml mauc*, повторил он восторженно, *lumml mauc!*

Адам любил Джулию. Джулию Фаленко, по прозвищу Фаленглз. Среди школьных девиц Джулия ничем особенным не выделялась. Не красивей других, но и не уродливей. Юница как юница. Мечтала поступить в кулинарное училище. Любила готовить, пекла пироги. Каждый день в середине урока с той стороны стеклянной двери появлялась верблюжья голова Адама. Он посылал Джулии воздушные поцелуи. Фаленглз делала вид, что не замечает его. Адам начинал отчаянно лаять. Я останавливал урок, открывал дверь и просил его уйти. Лай прекращался. Адам уходил.

Однажды, вместо того чтобы посылать воздушные поцелуи, он открыл дверь. В руке у него была книга. Он подошел к парте Джулии и упал на колени. Фаленглз удивленно смотрела на него. Адам залаял, жалобно залаял, как щеночек. Захныкал. Вытер слезы и провел мокрой ладонью по щеке обомлевшей Джулии. Открыл книгу. Пытался читать вслух. Слова сливались в один протяжный, нечленораздельный звук. Джеф, сидящий рядом с Джулией, засмеялся. Тогда Адам вырвал страницу. Потом другую. Страницы, как лепестки, слетали на голову Джулии. Скользили по плечам, ложились на парту. Только после того, как вся книга была выпотрошена, он поплелся к двери. Шел медленно, как будто ждал, что его остановят. Но никто его не останавливал. Он уже выходил из классной, когда Джулия посмотрела по сторонам, как будто что-то вспомнила, и закричала тонким, игольчатым голосом: *Убирайся отсюда, траханый придурок*. Но Адам был уже по ту сторону двери. Он не слышал Джулии.

ФРОСТ

У Джозефа Фроста умер отец, Роберт. Фросты переехали в наш городок из Юты. Отца назвали Робертом в честь поэта. Джозеф сказал мне об этом в сентябре, а в ноябре астматик Роберт умер от свиного гриппа. За несколько недель до поступления сыворотки в больницы и амбулатории. Заболел он месяцем позже, жил бы до сих пор. Я его

никогда не видел. С миссис Фрост познакомился в сентябре на родительском собрании. Ко мне подошла стареющая женщина. Представилась. Сказала, что Джозеф много читает, смотрит передачи на канале «История».

У Джозефа был младший брат Вилли. Целыми днями играл в видеоигры. «Зельда». «Зов долга». Джозеф рассказывал, что сразу после похорон Вилли пришел домой, надел наушники, включил экзбюкс — лазил по горам, устраивал облавы на террористов. Финку под левую лопатку. Пулю в лобешник. Джозефу показалось, что Вилли не заметил исчезновения отца. Жил Роберт, а потом пропал. Вроде спецназовца в игре. Упала бомба — и исчез спецназовец. Русский спецназовец или американский рейнджер. На экране рейнджеры и спецназ убивали друг друга.

Джозеф вернулся в школу в середине декабря. Странился прежних товарищей. Не хотел, чтобы его утешали. Когда заходила речь об отце, отмалчивался. На завтрак приносил четыре яблока. Садился в углу кафетерия и съедал их. Медленно, расчетливо. Выкидывал огрызки в мусорный бак и, взвалив на плечи огромный рюкзак, шел на урок. На уроках думал о своем. Смотрел на меня, но я знал, что он смотрит сквозь меня, по ту сторону меня, как будто пытался увидеть — быть может, он на самом деле видел? — что-то запретное для человеческого взгляда, то зазеркалье, о котором мы, взрослые, предпочитаем не думать.

После школы Джозеф уходил в парк. До первого снега было еще далеко. В здешних местах декабрьская погода напоминает скорее о глубокой, обморочной осени, чем о начале зимы. Земля по краям асфальтовой дорожки затвердевала. Вокруг озера гуляли люди. Водную гладь бороздили утки и лебеди. Джозефу нравилось свободное лебединое плаванье, отчетливая причастность этих птиц зябкой, не тронутой ветром воде, высокому небу и облакам, сделанным из беспечного лебяжьего пуха.

Декабрьский парк был каждый раз иным, как та гора в Юте, недалеко от Солт-Лэйк-Сити, на которую он любил забираться и которая после каждого восхождения казалась *новой* горой. Обезлиственный лес был глубок, почти бездонен. Вечером, перед заходом солнца от деревьев исходило сияние. Однажды Джозеф увидел цвет воздуха — голубой между ветками и синеватый в проемах между стволами. Когда солнце садилось, лес становился темно-синим. Каждая коря-

га, каждая ветка ластилась к руке, пытаясь рассказать свою историю, как будто они ждали от него сочувствия, нуждались в нем. Коряги, синюшные стволы, растопыренные ветки. Джозеф удивлялся, как эта смерзшаяся земля, едва проседающая под ногами, как она может быть такой чуткой и безрадостной.

Здесь, в лесу, память работала бесперебойно. Прошлое становилось ясным и незыблемым. Он вспомнил, как в третьем классе болел бронхитом. По ночам не мог заснуть. Кашлял, задыхался. Горло как будто поскребли наждачной бумагой. Жалость к себе, дурацкие мысли о море. Джозеф постепенно срастался со своей болезнью. В соседней комнате семилетний Вилли дубасил по стене бейсбольной битой: *Заткнись! Дай поспать!* Перед сном мать принесла лекарство — не помогло. Ночью он снова кашлял. Когда настенные часы пробили полночь, открылась дверь в спальню. Он увидел фигуру отца на фоне мутного света, идущего от ночника. Отец принес Джозефу чашку чая. *На вот, выпей.* Джозеф сделал несколько глотков, отдышался. Отец ушел. Джозеф заснул ненадолго, проснулся и еще долго кашлял и задыхался...

Отец всегда ему казался чужим. Фрост-старший был заправским автомобилистом и, дай ему волю, целыми днями не отходил бы от своего «Мустанга». Фанатик, влюбленный в лошадиные силы, в коробку передач. Роберт мыл машину специальным раствором два раза в неделю. Менял масло, устанавливал тормозные колодки. Часто просил Джозефа помочь ему, и Джозеф помогал, плохо скрывая отвращение.

Мир делился на свое и чужое, и каждый взрослый (так казалось Джозефу) был своим или чужим. Его отец был чужаком, влюбленным в кусок урчащего железа. По вечерам они избегали друг друга. Джозеф запирался в своей комнатке, слушал «Лед Зеппелин» или играл сам с собой в шахматы. Решал шахматные задачи.

В воскресенье отец брал детей в церковь. Во время службы они пели псалмы. Когда отец пел вместе со всеми, Джозеф молчал. Зато когда Фрост-старший прекращал пение, Джозеф подтягивал за другими. Лишь бы не вместе с отцом...

Теперь, в этом обморочном лесу, Джозеф вспоминал о себе как о чужом человеке, как будто это не он задыхался от кашля, не он сторонился отца. Незнакомые люди на асфальтовой дорожке, промерзшая земля, темно-серая простыня озера и лебединые всхли-

пы — теперь все это становилось частью единой, хрупкой, сквозной жизни. Его жизни. Джозеф понимал, что с ним происходит что-то очень важное, словно он умер, а потом родился, и будет жить снова, заодно с этой землей, деревьями, птицами, этими людьми, неторопливо гуляющими вокруг озера. Он проваливался в лиловые сумерки, как в колодец, и уже не помнил, где надо было свернуть с тропы, чтобы выйти к автостоянке.

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

На уроках Джеф спит. Или рисует. Подарил мне очередной шедевр. Плешивый человечек в круглых очках (сладкий момент узнавания... радуйся, Аристотель!) в одной руке держит длинный меч, а в другой — довольно-таки широкие ножны. На поверхности ножен выписано *vacina*. Джеф подмигивает, говорит громко, чтобы все слышали: *Эй, Маг, не забудь вложить свой gladius¹ сам знаешь куда.* Благодарю его за совет. Продолжаю урок. Время от времени Джеф предлагает помассировать мне плечи и спину. Вежливо отказываюсь. С урока выгнал его всего один раз. Проходили повелительное наклонение с *poli*. Среди примеров было предложение с глаголом «*факере*» (делать). Джеф вскочил со стула и, размахивая руками, как мельничными крыльями, затараторил на мотив детской песенки *мазэфакер, мазэфакер, мазэфакер*. Отправил его к директору. Джеф — капитан школьной хоккейной команды. У нас его любят. Несмотря на скабрёзности, мне он тоже нравится.

По коридору Джеф ходит, подволакивая ноги. От одной стены (ряд встроенных железных, темно-синих шкафчиков) постепенно перемещается к другой. Походочка хоккеиста. Каждый шаг, как брезгливая пощечина линолеуму. Улыбается, как побитый палками арлекин, уголками губ, оттянутыми вниз. Улыбается редко. Чаще его бледное, желтушное лицо сморщено по-старушечьи. Из-за низкого роста его прозвали «минимэн», и он, кажется, не возражает. Он даже сам себя так называет, «человечек». Была у него девушка, Молли, тихая, неприметная, тоже маленького роста (длинные тонкие руки, полупрозрачная кожа). Он знакомил меня с ней несколько раз, но каждый раз мне казалось, будто я видел ее впервые. Однаж-

¹ Меч (лат.).

ды, когда Джефа не было в классной, кто-то назвал ее белоснежкой. Потом ученики объяснили: «белоснежками» зовут девиц, пристрастившихся к кокаину. Не уверен, что Молли была настоящей «белоснежкой», но вполне вероятно, что, как многие наши ученики, перепробовала самые разные наркотики.

Странные у них были отношения. Никто никогда не видел, чтобы они целовались в школьном переходе или хотя бы держали друг друга за руки, или сидели за одним столом в кафетерии. Джеф — он был старше Молли на два года — уходил к приятелям-старшеклассникам, а Молли подсаживалась к своим знакомым, таким же неприметным, как она. Доставала из рюкзака бутерброд и бутылку сока. Когда звенел звонок, надевала рюкзак и топала на урок. Иногда они встречались в коридоре, но почти никогда не здоровались. Как будто не замечали друг друга. Лишь однажды она ему улыбнулась. Он в ответ кивнул. Его взгляд, бесстрастно-водянистый, потеплел на мгновенье...

Молли погибла. Бросилась под поезд. До сих пор у нас никто не знает, что заставило ее свести счеты с жизнью. Ходили слухи, что отец за какую-то провинность (наркотики?) залепил ей пощечину и выгнал из дома. Такую тонкую, невзрачную выгнал. Говорили, что она шагнула на пути, желая отомстить отцу. В школе у нее не было близких друзей. Так, знакомые, соседки по столу в кафетерии. Смерть ее не то чтобы осталась незамеченной. На педсовете мы прослушали доклад о суициде среди подростков. Несколько дней в школе дежурили психологи. Но исчезновение Молли мало кого зацепило всерьез. Многие ее одноклассники через месяц не могли вспомнить ни лица ее, ни имени. Даже местная газета проморгала это ЧП: в хронике происшествий о Молли не было сказано ни слова. Джеф вел себя так, как будто ничего не случилось. Тусовался с приятелями. Так же спал на уроках. Или рисовал. Балагурил.

Как-то раз, вскоре после самоубийства, мы проходили миф об Орфее и Эвридике. Разыгрывали пантомиму. Кевин был Орфеем, Джулия — Эвридикой, я — Меркурием. Выдвинув ящик стола, я достал ксилофон (настоящий, деревянный), единственный музыкальный инструмент, имеющийся в наличии. Обратился к ученикам: *посмотрев пантомиму, воспроизведите этот миф на бумаге, как вы его себе представляете*. Объяснил Кевину и Джулии, что от них требовалось. Нарисовал на доске лужок с цветочками. Раз, два, по-

ехали... Джулия делает вид, что собирает цветы. Показывает, что жизнью довольна. Она занимается акробатикой, у нее гибкие движения, несмотря на широкие — не по росту — плечи и коротковатые ноги. Кевин, ирландский увалень, играет на ксилофоне, прислонив инструмент к своему необъятному животу. Впрочем, назвать это игрой можно только с большой натяжкой. Кевин остервенело бьет деревянными палочками по желтой и красной клавишам, ксилофон издает писклявый, отчаянный звук, похожий на скулеж. Джулия садится на стул, обмякает и, как может, изображает умирание. На другой стороне доски, на ватманской бумаге, нарисовано подземное царство. На тронах сидят Плутон и Прозерпина. Плутон протягивает Прозерпине зернышко граната. Кевин становится перед изображениями богов. Скулит ксилофон. Потом мы с Кевином (на моей шее висит табличка *Mercurius sum*¹) медленно идем, рука об руку. Кевин засунул ксилофон под мышку, его глаза стекленеют. Он льбится, губы, как жирные розовые гусеницы, расползаются по румяным щекам. За нами идет Джулия, кое-как идет, вразвалочку. Мы с Кевином ее не видим, но всем остальным Фаленглз кажется чем-то расстроенной. (На днях они с подружкой Одри Тумачино ездили в большой торговый центр. *Девушки пытались вынести из магазина женской одежды несколько понравившихся им аксессуаров*. Так, по крайней мере, утверждали в газете нашего графства.) Джулия шла, слегка опустив голову. Я дал Кевину знак, чтобы он остановился. Кевин остановился. Оглянулся. Джулия сперва проигнорировала Кевина. Заметив мои отчаянные жесты, села на стул и притворилась мертвой...

Ученики попытались изложить увиденное. У каждого было свое восприятие мифа. Как будто миф можно переписать заново. Восемнадцать раз переписать. Вот версия Джефа: *Орфей был знаменитым гитаристом. Встретил женщину. Она умерла от передозы. Он отправился в Царство Мертвых. Сыграл тамошним богам на гитаре. Произвел впечатление. Они разрешили ему увести подружку с собой. Она не хотела возвращаться. Ей больше нравилось под землей. Что ей там ловить, на земле? Но она все равно пошла за ним. Они шли, шли, а потом он оглянулся, и она опять умерла, и вернулась домой*.

¹Я Меркурий (лат.).

ЭММА

Когда на уроке обществоведения ее спросили, какое место на земле она считает своей родиной, она ответила не задумываясь: — *Гошен*. Она выросла в старом викторианском доме возле краснокирпичной баптистской церкви. В церковь ее родители не ходили. По воскресеньям она бегала с подругами на ипподром. Смотрела скачки. Иногда они тайком пробирались в кузницу и таскали оттуда алюминиевые подковы. Легкие, как листки бумаги. На счастье. Подковы пахли конским потом, скачками.

Наш пряничный городок, куда они с отцом переехали два года назад, не имел ничего общего с неказистым, старомодным Гошеном. Здесь ее раздражало все: игрушечные улочки, чистые, будто вымытые с мылом, тротуары, нарядненькие бутики, витрины с подсветкой, двухзальный кинотеатрик на главной улице. Особой нелюбви удостоивался магазин спортивной одежды с ожерельем футбольных тишоток и здание почты, издалека (особенно если смотреть на нее со стороны школы) похожее на церковь. Злобу, отвращение вызывало несоответствие кирпичного фронтона, высоких окон и шпиля на отвесной крыше тому, что находилось внутри здания. Там змейкой извивалась очередь, и бессовестно накрашенная женщина в форме почтовой службы не торопясь взвешивала бандероли. Возле высоких тумб стояли сутулые люди. Они наклоняли головы, облизывали марки и наклеивали их на конверт.

Отец работал в вечернюю смену. Дома они встречались по выходным, но и тогда отец отсыпался или уходил в паб поболтать с приятелями и посмотреть американский футбол. Эмма оставалась одна. Она открывала окна, и февральская знобкость наполняла комнату. Она смотрела на корявое дерево под окном. Корни так и не смогли врасти в каменистую почву и теперь топырились по-скорпионьи. Казалось, что за этим деревом кто-то гнался и оно застыло на ходу, убегая. Похожее на слепки людей, погибших в Помпеях при извержении Везувия, как в фильме, который им показывали осенью. Последнее мгновение застывающего дерева. Обращенные к земле ветви, как руки бегущего, согнутые в локтях. Повисшие кисти рук. Она могла часами смотреть на дерево, пока не приходил отец и не спрашивал: *Почему у нас так холодно? Неужели сдох бойлер?*

Школу она не любила. Узкие коридоры, по которым ползут ученики с урока на урок, мутно-бежевые стены, встроенные железные шкафчики-локеры, выкрашенные в синий цвет, физиономии президентов и солдатские мундиры времен гражданской войны в кабинете истории, фотографии замечательных женщин и афроамериканцев в библиотеке, плакат «Семь смертных грехов безграмотности» на кафедре английского — все это было чужим, не для нее развешенным по стенам и приклеенным к стеклянным дверям. Ей казалось, что здесь, в новой школе, учителя и дети притворяются или играют в какую-то игру, правил которой Эмма не знала.

По выходным, обычно в субботу вечером, устраивали *парты*, вечеринки с выпивкой и куревом. Как-то раз новая подружка зазвала ее на субботний *гезэринг*. Эмма явилась вовремя. Села в угловое кресло. Так оно незаметнее. Открыла бутылку пива. Выпила. Принялась за другую. После двух бутылок опьянела. Дом постепенно наполнялся подвыпившими тинэйджерами. Нализавшиеся парни выламывали дверные ручки, мочились на красивый ковер. Обсуждали размеры своих членов, замеряя сморщенные черенки школьной линейкой. Она видела, как лихо они вырывают с корнем комнатные цветы и вышвыривают их в окно.

Эмма открыла третью бутылку, бросила крышку в мусорное ведро и медленно втянула в себя горьковатую пену, выползавшую из длинного горлышка. Парни один за другим застегивали джинсы и выходили во двор покурить. Эмма вжалась поглубже в кресло и, слизав оставшуюся пену, сделала первый, долгий глоток. Электрический свет отплясывал на матовом стекле бутылки. Она улыбнулась, погружаясь глубже в сочный бархат кресла. Сделала еще один глоток. Решила взять орешки из глубокой тарелки, стоявшей сбоку. Повернула голову и увидела незнакомого парня, который сидел совсем рядом, на соседнем стуле. Он смотрел на Эмму. *Привет*, сказала она и кивнула. Он наклонился и взял ее за руку. Эмма почувствовала потные, липкие пальцы, но своей руки не отдернула. Он погладил ее по колену. *Пойдем наверх*, предложил он. *Ну, пойдём*.

Поднимались по лестнице на второй этаж. Он пытался обнять ее, но пролет был слишком узким. Ему не хватало места рядом с ней, и он шел сзади. Его левая рука, скользила по ее плечу. Она вспомнила картину, на которой нищие слепцы идут друг за другом. Идущий сзади держит руку на плече впереди идущего.

На втором этаже было несколько спален. Они зашли в боковую. Эмма заметила одеяло, сползшее с кровати. Он выключил свет. Долго возился с пуговицей на ее джинсах. Она отстранила его и разделась. Он тоже разделся. Эмма снова почувствовала его липкие ладони. Они легли. Пахло чужим телом. Он заполз на нее. Несмело приобнял. Несколько раз поцеловал ее в ухо. Было щекотно, и она засмеялась. *Ты чего? ...Извини, мне щекотно.* Он продолжал елозить. Неуверенно как-то, как будто не знал, что предпринять. Она хотела ему помочь, погладила его по спине, по ягодицам. Не ожидала, что он *так* отреагирует: его тело забилося мелкой дрожью и обмякло. Как будто его проткнули. Он медленно сполз на одеяло. Сел рядом с ней, подогнул колени и опустил на них голову. Что-то промямлил, но она не поняла, что именно он хотел сказать. Включила свет и, не глядя на него, оделась.

Она спустилась в гостиную. Там парни забивали косяк, затягивались по кругу. Через двор она прошла к калитке и оказалась на улице. В небе тускнел полумесяц. Издали доносилась сирена скорой помощи. Отрывисто пролаяла собака. Кто-то совсем рядом промчался на велосипеде. Чуть не сбил ее с ног. Исчезая за поворотом, выругался. *Подонки, грязные подонки,* сказала она тихо, нежно. Потом нараспев повторила: *Грязные подонки.* Она шла по улице и улыбалась своим мыслям.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В этом году ученики решили отпраздновать мой день рождения. Напекли кексов, купили бутылку лимонада. Раздобыли кусок торта, свечку. Джеф обещал исполнить танец живота, но до танцев не дошло. Утром, без четверти восемь, мне вручили сложенный вдвое лист ватмана. Неказистая четверка, похожая на перевернутый стул, и отчетный ноль с гипертрофированными стенками — вот, собственно, и все поздравление. Четверка должна была напоминать о родине: ножки увенчивались церковными маковками; спинка представляла собой бутылку «Смирновки»; сидение — помесь атомной бомбы и калаша. Наверное, это смешно. В середину ноля врисован серп и молот. Мастерски, надо сказать, врисован. Николь принесла два шарика. Один — обычный, *хэппи бёрздэй*, другой опять же с циф-

рой. Я открыл окно и выпустил тот, который с цифрой. Было холодно. Пахло снегом, хотя на дворе стоял апрель. Шарик покачивался на ветру, постепенно набирал высоту. Перелетел школьную крышу и скрылся. Дали первый звонок. Предупредительный.

День начинался. Заработало школьное радио. Слово взял директор. Сперва я не мог ничего понять (в классной стоял несусветный гам), кроме нескольких слов: *выпускник... вертолет... Кандагар.* В моем детстве о Кандагаре знал каждый мальчишка. Дисбаты. Духи. Кандагар... Наконец я расслышал имя. На совпадение (вдруг не он?) надежды не было. Вертолет, в котором Майк летел с задания, был сбит ракетой «земля-воздух» и упал в кандагарское ущелье...

Майк был чрезвычайно — до бестактности — вежлив. Не помню, чтобы он дерзил или повышал голос. Подойдет, поздороваётся, улыбнется, спросит, как дела. Родители давно развелись. Майк жил с матерью. Отец — поляк, мать — еврейка. Стригся наголо. Любимые книги — Макиавелли, Ницше. Любимая эпоха — становление национал-социалистического движения в Германии и Вторая мировая. Одевался просто. Армейские штаны защитного цвета. Черная водолазка. Бумажный стакан с дешевым кофе. За день он выпивал таких несколько.

Сидел за последней партой, возле двери. На уроках скучал. Когда я приветствовал учеников на латыни, вместо *«Сальве, магистер»* Майкл отвечал на шипящем, одышливом русском *«Шдраштвый, товарьши»*. Ребята, начинал я, давайте поиграем в виселицу. *Давайте, давайте*, охотно соглашались они. Майк поднимал руку. Что у тебя, Майк? *Может быть, вместо виселицы поиграем в распятие?* То есть как в распятие? *А так. Рисуем две перекладины. Не отгадал букву, рисуем голову. Не отгадал другую — туловище. Ну, а в конце гвоздики.* Стараюсь не терять самообладания. Чувствую, вот-вот перейду на крик. Тайм-аут, Майк. Выйди из класса, посиди в библиотеке до конца урока. После звонка вернешься.

Возвращается после урока. Готовлюсь сделать внушение. Он снова, как ни в чем не бывало, приветствует меня на ломаном русском. Майк, говорю, нельзя же так. Надо уважать верования своих одноклассников и вообще... Вижу, как его губы растягиваются в улыбку. *Послушай, магистр, если я когда-нибудь дослужусь до генерала — сделаю тебя императором. А если стану императором, ты будешь богом, магистр.* Как Юпитер. Поворачивается и уходит.

Майкла с детства тянуло в армию. Нравились армейские словечки, форма, оружие. Готовился в морпехи, но после судимости (та-скал лэптопы из машин, не ради заработка, а просто так, для понта) морская пехота от него отказалась. Тогда он подался в сухопутные войска. Несколько раз безуспешно сдавал экзамен на рейнджера. Сдал, наконец. Полгода воевал в Ираке.

В прошлом году пришел в школу под Рождество. Рассказывал о службе: *Работаем по ночам. Уходим в час, возвращаемся в восемь. Пули в затылок боишься меньше, чем сержантского пинка. Это, магистр, настоящая жизнь. Через несколько месяцев отправят в Афганистан. Жду — не дождусь.* А еще говорил: *вот демобилизуюсь, наймусь в какую-нибудь охранную фирму, ну хоть к вам в Россию поеду, на Кавказ, в Чечню. Кого у вас там сейчас отстреливают?..*

В полдень нас попросили приготовиться. Без четверти час мы вышли из школы. Ученики растянулись вдоль проезжей части. Шерстяной прилив подростковых шевелюр. Раздали флажки. Сказали, что скоро все начнется. Учителя молчали. Ребятам надоело стоять без дела. Бесперывно пиццали телефоны, принимая текстовые сообщения. Пальцы бесшумно нащупывали нужные клавиши. Рядом со мной стояла парочка. Они поцеловались. Я отвернулся. Минут через десять опять посмотрел. Они не отлипали друг от друга. Из их склеенных ртов текла слюна.

Главную улицу перекрыли. Тот, кто повыше, тянул шею, чуть наклоняясь вперед, высматривая, не началось ли. Дорога была пуста. Мне тоже надоело ждать, и я заговорил со знакомой учительницей. *Странно*, сказала она, *середина апреля, а погоды стоят мартовские, того и гляди пойдет снег.* Действительно странно, ответил я. Зачем-то прибавил: мне нравится смотреть, как падает снег. Мы замолчали. В самом конце улицы показалась машина с зажженными фарами...

Машины — их было две — двигались черепашим ходом. Впереди, как всегда, катафалк. Сияющее, полированное железо. С тротуара мы видели только голову водителя и руки в белых нитяных перчатках. В зашторенном кузове везли гроб. За катафалком следовал микроавтобус. В кабине я заметил плачущую женщину в черном платье и грузного мужчину. Они не обращали внимания на людей, стоящих на обочине. На мгновение мне показалось, что эти двое

мертвы. Женщина высморкалась. За второй машиной шли, опустив головы, офицер и девять солдат. Пять солдат справа и четыре слева.

В воздухе замелькали первые снежинки. Это был редкий, косящий снежок, не долетавший до земли. Ветер подхватывал его и порывисто уносил обратно в небо. Поближе к облакам, к тусклому солнцу. Деревья сонно покачивались.

На той стороне улицы я увидел двух стариков в военной форме. Взяв под козырек, они не сходили с места, пока процессия не скрылась за поворотом. Рядом стояли их жены. В руках они держали флаги. Мы тоже махали флажками.

Проезжая часть опустела. Полицейские, перекрывшие улицу, начали пропускать первые машины. Нас попросили вернуться в школу. На школьном дворе ветер кружил прошлогодние листья — подымал и швырял об стену. Рассохшиеся листья рассыпались в труху, в желтую пыль. Мы возвращались, стараясь не смотреть друг на друга.

